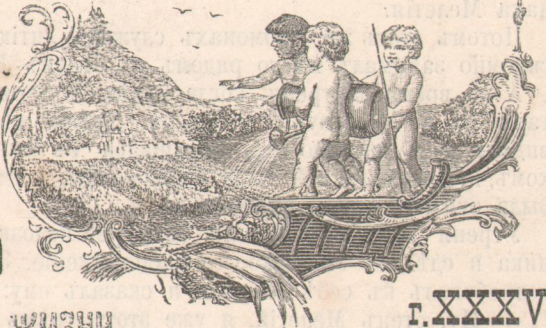

ЖИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 48

Выходить еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА и А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 3-го декабря 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—20 к., съ перес. 25 к.

Къ этому № прилагаются: 1) „Ежемесяч. литерат. и популярно-научныя приложения“ за декабрь 1905 г., 2) „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ДЕНАБРЬ 1905 г. съ 24 рис. и отдѣльн. листъ съ 35 черт. выкр. въ натур. велч. и 42 рис. для дамск. рукодѣлія.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1906 г.

Безъ достав-ки въ Петер-бургъ . . .

6 р. 50 к.

Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскій линіи.

7 р. 25 к.

Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Ришельевскій, 12.

7 р. 50 к.

Съ достав-кою въ Пе-тербургъ . . .

7 р. 50 к.

Съ пересылкою во всѣ мѣстности Россіи . . .

8 р.

За гра-ницу. 12 р.

Невѣста Варвара.

Повѣсть И. Н. Потапенко.

(Продолженіе).

Мелетію даже не удалось ничего высказать съ своей стороны. Архіерей разошелся и говорилъ безъ конца.

И какъ-то безъ всякихъ заслугъ съ его стороны, старикъ вдругъ въ теченіе одной этой бесѣды привязался къ нему и полюбилъ его. Онъ полюбилъ его, можетъ-быть, какъ свою далекую, давно минувшую молодость.

Онъ оставилъ его у себя обѣдать, водилъ его по саду, который составлялъ часть архіерейскихъ владѣній, а когда въ шесть часовъ съ соборной колокольни раздался густой басистый благовѣстъ къ передвоськресной все-нощной, архіерей сказалъ:

— Ну, ужъ нынче ты, Мелетій, мой на весь день, а потому и ко всенощной ты со мной поѣдешь и литію будешь со мной слушать.

Мелетій ни отъ чего этого не отказался. Онъ только попросилъ позволенія послать въ пригородъ кого-нибудь и оновѣстить родныхъ, что онъ сегодня служить въ соборѣ, чтобъ тамъ не безпокоились. Это было сдѣлано.

И вотъ въ это-то время и произошло событіе, которое такъ глубоко повліяло на образъ дѣйствій губернскаго сановнаго духовенства.

Къ подъѣзду архіерейскаго дома подкатила карета, запряженная четверкой цугомъ. Въ карету сѣли архіерей и Мелетій, а на козлы вкочилъ келейникъ.

И карета торжественно покатила черезъ весь городъ. Набожные прохожіе на улицѣ останавливались и снимали шапки, архіерей благословлялъ, но всѣ видѣли, что сегодня онъ ѣдетъ не одинъ, а съ нимъ еще какой-то другой молодой монахъ.

Когда же карета вѣхала въ соборную ограду и остановилась передъ главнымъ вхо-

Юность. Картина Ф. Каульбаха, авт. «Нивы».

домъ, а въ это время на колокольнѣ раздался торжественный гулъ всѣхъ колоколовъ, келейникъ соскочилъ съ козелъ, растворилъ дверцу кареты и изъ нея вышли архіерей, а вслѣдъ за нимъ высокій, стройный, худощавый молодой монахъ, въ которомъ всѣ духовныя лица тотчасъ же узнали сына пригороднаго дьякона—іеромонаха Мелетія.

Потомъ этотъ же іеромонахъ служилъ литію, причемъ скромно занималъ мѣсто рядомъ съ отцомъ Лукой.

А во время заутрени, когда архіерей стоялъ въ алтарѣ и, не участвуя въ службѣ, просто молился, всѣ видѣли, какъ ласково онъ обращался съ юнымъ монахомъ, и, наконецъ, всѣ были ошеломлены, когда Мелетію была оказана самая высокая честь.

Утренняя была на половинѣ. Архіерей подозвалъ келейника и сдѣлалъ ему какое-то распоряженіе. Затѣмъ онъ потребовалъ къ себѣ Мелетія и сказалъ ему:

— Ну, отецъ Мелетій, я уже этотъ грѣхъ возьму на себя, что ты не достоинъ заутреню. Хочется мнѣ, чтобы тебя благополучно доставили домой. Иди съ миромъ, садись въ мою карету, и тебя отвезутъ.

Мелетій былъ крайне смущенъ этой честью, но не смелъ себя въ правѣ отказать. Архіерей далъ ему благословеніе и отпустилъ.

И вотъ по городу катилась архіерейская карета, запряженная четверней цугомъ, и въ ней ѣхалъ всего только іеромонахъ.

А когда карета появилась въ предмѣстьѣ, несмотря на то, что уже были густыя сумерки, обыватели пригорода, какъ разъ въ это время выходившіе изъ церкви со всенощной, столпились на площади и видѣли, какъ карета остановилась около ограды и изъ нея вышелъ молодой, высокій, стройный монахъ, сынъ пригороднаго дьякона.

Затѣмъ карета вернулась обратно къ собору, торопясь, чтобы увезти оттуда архіерея.

Старый архіерей, прожившій долгую жизнь и уже кончавшій свою дѣятельность, близко сошелся съ молодымъ монахомъ, только-что начинавшимъ свою карьеру.

Мелетій бывалъ въ архіерейскомъ домѣ почти каждый день и сдѣлался тамъ своимъ человѣкомъ. Онъ уже не сидѣлъ въ приемной и не ждалъ, пока архіерей окончитъ утреннія занятія, а входилъ прямо къ нему въ кабинетъ и принималъ участіе въ его работахъ. Онъ помогалъ старику и въ то же время самъ знакомился съ епархіальными дѣлами и бумагами.

Почти всегда онъ оставался у него обѣдать. Каждый день они выѣзжали въ каретѣ за городъ и совершали прогулку въ близъ лежащемъ лѣсу. Въ городѣ странной обычай не позволялъ архіерею ѣздить въ открытой коляскѣ, но здѣсь, въ лѣсу, карета превращалась въ ландо, и убѣленный сѣдинами старикъ радостно наслаждался свѣжимъ лѣснымъ воздухомъ, яснымъ небомъ и пѣніемъ птицъ. А къ вечеру Мелетія отвозили домой, въ пригородъ.

Всѣ эти простыя обстоятельства, такъ понятныя, ибо старый архіерей и молодой іеромонахъ принадлежали къ одному исключительному и обособленному міру, произвели безпримѣрное впечатлѣніе въ духовномъ кругу и особенно сильно повліяли на сановныхъ батюшекъ. Они растерялись и не знали, какъ имъ быть.

Всѣ они по положенію и по лѣтамъ были старше Мелетія, а между тѣмъ самъ Мелетій не дѣлалъ никакихъ шаговъ для знакомства.

Время проходило, уже двѣ недѣли былъ онъ здѣсь, а ничего по этому поводу не было сдѣлано.

Съ другой же стороны игнорировать человѣка, который такъ запросто принялъ архіерею, съ которымъ архіерей обращается, какъ съ роднымъ сыномъ, становилось опаснымъ.

Первымъ почувствовалъ это ключарь — по положенію второе послѣ каедральнаго протоіерея лицо. У него

былъ разговоръ съ каедральнымъ—такъ, въ самыхъ общихъ чертахъ. Но они поняли другъ друга.

Это былъ очень старый служака, побывавшій во многихъ передѣлкахъ, украшенный многими отличіями и орденами, вліятельный членъ консисторіи, пользовавшійся большимъ довѣріемъ у архіерея.

Ясное дѣло, что ему хотѣлось сохранить это довѣріе и на будущее время,—а кто же могъ знать, что такое этотъ молодой монахъ, какія цѣли онъ преслѣдуетъ, кому онъ хочетъ оказать услугу передъ архіерею.

Поѣхать прямо къ дьякону и познакомиться съ монахомъ, это было бы невозможно, это значило бы просто явиться на поклонъ и произвело бы въ городѣ дурное впечатлѣніе.

И ключарь придумалъ нѣчто среднее: онъ сѣздитъ къ настоятелю пригородной церкви. Они, конечно, были знакомы. Служебное положеніе ихъ было весьма неравное, и такой визитъ могъ доставить настоятелю только удовольствіе.

Разумѣется, въ домѣ настоятеля произошелъ нѣкоторый переполохъ. Забѣгала горничная, засуетилась матушка, самъ настоятель наплевалъ на себя лучшую рясу; и вотъ состоялся приемъ.

Ключарь—умный и хитрый, въ свое время побывавшій во всякихъ передѣлкахъ, сразу поставилъ дѣло правильно. Онъ устранилъ всякую торжественность и официальность, прикинулся простачкомъ и заговорилъ запросто.

— Я къ вамъ, батюшка, не только отъ себя, а и отъ каедральнаго нашего, да и думаю, и отъ прочихъ. Прямо можно сказать: выручайте.

Настоятель выразилъ готовность:

— Да ужъ не знаю, чего не сдѣлалъ бы... Помилуйте, отецъ-протоіерей, мнѣ такъ пріятно...

— Ну, такъ вотъ. Я прямо вамъ и доложу. Монахъ тутъ у васъ проявился, академикъ, дьякона вашего сынъ...

— Мелетій? Да, какъ же! Есть! Вотъ уже двѣ недѣли живетъ.

— Ну, такъ вотъ этотъ самый Мелетій по душѣ пришелся преосвященному, а мы, сами знаете, какъ мы уважаемъ нашего владыку и не желаемъ доставлять ему никакого огорченія.

— Такъ, такъ, отецъ-протоіерей; понятно, понятно.

— Такъ надо бы намъ познакомиться съ этимъ отцомъ Мелетіемъ. А какъ же это сдѣлать, коли онъ самъ не торопится?.. Конечно, молодой академикъ, обласканъ самимъ архіерею, съ большой будущностью, имѣетъ право быть гордымъ...

— Кто? Мелетій—гордый? Да что вы, отецъ-протоіерей? Да это такая простая душа... Мы съ нимъ искренніе пріятели издавна, еще когда онъ ребенкомъ, а потомъ студентомъ семинаріи былъ... Онъ у насъ бываетъ запросто...

— Неужто онъ такой простой?

— Да ужъ проще не найти.

Дѣйствительно, Мелетій въ первый же день своего пріѣзда успѣшилъ навѣститъ настоятеля и потомъ часто бывалъ у него и относился къ нему совершенно такъ, какъ въ студенческія времена.

— Такъ это и слава Богу!—сказалъ ключарь:—значитъ, вы можете оказать мнѣ содѣйствіе къ знакомству съ нимъ...

— Да какъ же иначе, отецъ-протоіерей... Да позвольте... который теперь часъ?.. полдень... самое настоящее время. Онъ дома, должно-быть, ежели только не отправился къ преосвященному. Вотъ мы и пошлемъ за нимъ. Послушай-ка, попадая, пошли къ отцу-дьякону, пусть скажетъ тамъ, что я прошу Мелетія къ себѣ, очень прошу. И вотъ увидите, отецъ-протоіерей, онъ сейчасъ и придетъ... Онъ простъ, какъ ребенокъ...

Посылка состоялась. Къ тому же матушка не велѣла

сказывать Мелетію, что у нихъ въ гостяхъ важный протоіерей.

Мелетій оказался дома и сейчасъ явился. Бывая за- просто у настоятеля, онъ и на этотъ разъ явился безъ клобука, просто въ своей обычной камилавкѣ.

Войдя въ комнату и увидѣвъ почтеннаго протоіерея, котораго хорошо зналъ въ лицо, съ которымъ даже недавно служилъ въ соборѣ литію, онъ остановился какъ бы въ смущеніи.

— Ну, вотъ и онъ,—сказалъ настоятель.—Вотъ, Мелетій, заѣхалъ ко мнѣ отецъ-протоіерей... а я и говорю: хотите, говорю, познакомлю васъ съ нашимъ гостемъ, нашимъ академикомъ, съ отцомъ Мелетіемъ? Отецъ-протоіерей выразилъ желаніе. Такъ я и послалъ за тобой.

— Очень вамъ благодаренъ, отецъ-настоятель,—сказалъ Мелетій:—только ужъ извините, я не по формѣ... мы съ отцомъ-настоятелемъ старые знакомые, такъ я оттого съ нимъ запросто.

Состоялось знакомство. Ключарь былъ любезенъ, разговорчивъ, звалъ Мелетія къ себѣ, общалъ познакомить его со всѣмъ духовнымъ кругомъ въ городѣ.

— Богъ знаетъ, можетъ-быть, когда-нибудь къ намъ будете назначены... Вотъ и будете заранѣе всѣхъ знать.

Мелетій былъ не словоохотливъ, но старался удовлетворительно отвѣчать на всѣ предложенія протоіерея и, кажется, произвелъ на него хорошее впечатлѣніе.

— Да, —сказалъ протоіерей настоятелю, уѣзжая: — ежели онъ только не хитрецъ, то онъ простая душа.

Настоятель поручился, что Мелетій не хитрецъ.

Мелетій считалъ своимъ долгомъ прежде всего быть корректнымъ, и на другой же день посѣтилъ ключаря. Онъ пришелъ къ нему послѣ полудня и засталъ его дома.

И какъ-то такъ вышло, что минутъ черезъ пять къ ключарю «случайно» зашелъ каѳедральный протоіерей, и бесѣда затянулась.

Всѣхъ ихъ Мелетій зналъ еще въ семинарское время: общихъ вопросовъ было много, въ темахъ не было недостатка. Всѣ интересы духовнаго круга губернскаго города были хорошо извѣстны Мелетію. Они мало измѣнились съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ въ академію.

Кромѣ того и протоіереи тоже когда-то были студентами академіи.

Каѳедральный не преминулъ выразить удовольствіе по поводу новаго знакомства и надежду, что Мелетій посѣтитъ его домъ. Мелетій поблагодарилъ и согласился.

— Но такъ какъ я человѣкъ занятой, бываю въ кон- сistorіи и исполняю другія обязанности, то не будете ли добры навѣститъ меня вечеркомъ?—сказалъ каѳедральный. Мелетій и на это согласился.

— И чтобы это было навѣрняка, мы назначимъ день, не такъ ли? Ежели мы, напри- мѣръ, выберемъ четвергъ вечеркомъ...

— У меня всѣ дни и вечера свободны, —сказалъ Мелетій.

И четверговъ вечеръ былъ назначенъ.

VII.

Каѳедральный протоіерей немного схитрилъ. Онъ не сказалъ Мелетію о своихъ настоящихъ замыслахъ.

А между тѣмъ, онъ имѣлъ въ виду въ четвергъ со- брать у себя цѣвъ духовенства губернскаго города.

Съ одной стороны, ему хотѣлось похвастаться, что молодой академикъ, іеромонахъ Мелетій, любимецъ архіерея и человѣкъ съ большой будущностью, у него на вечерѣ. Съ другой же стороны, онъ зналъ, что этимъ отвѣчаетъ на затаенныя желанія всего духовенства, такъ какъ всѣ хотѣли познакомиться съ Мелетіемъ.

Обстоятельство это страннымъ образомъ отозвалось на внутреннихъ отношеніяхъ въ семействѣ отца Луки Троянскаго. Сама каѳедральная протоіерейша сдѣлала матушкѣ отца Луки визитъ и пригласила ее, отца Луку и Вареньку къ себѣ на вечеръ, прибавивъ, что у нихъ будетъ въ числѣ другихъ гостей и іеромонахъ Мелетій.

Матушка любезно поблагодарила, но въ душѣ рѣшила, что Варенька на этотъ вечеръ не пойдетъ.

И когда всѣ собрались въ столовой, она сказала:

— У каѳедрального въ четвергъ вечеръ. Сама приходила и звала. Тамъ будетъ монахъ Мелетій. Конечно, тебѣ, отецъ Лука, надо пойти, да и мнѣ неловко не быть. Но если они думаютъ, что Варенька будетъ на этомъ вечерѣ, то ошибаются.

Отецъ Лука, конечно, поспѣшилъ раздѣлить это мнѣніе: Варенькѣ не зачѣмъ туда идти. Можно будетъ сказать, что у нея голова болитъ.

И когда, повидимому, вопросъ этотъ былъ уже рѣшенъ безповоротно, вдругъ Варенька сказала:

— Нѣтъ, мама, я хочу быть на этомъ вечерѣ.

Матушка изумилась.

— Ты хочешь? Какъ это странно! Въдѣ тамъ ты непременно встрѣтишься съ нимъ.

— Но почему же мнѣ не встрѣтиться? Я вовсе не хочу прятаться. Для меня въ этой встрѣчѣ нѣтъ ничего опаснаго.

— Но, милая моя, ты забываешь о томъ, какими глазами всѣ будутъ смотрѣть на тебя. Всѣ помнятъ, какія были между вами отношенія.

— Это меня нисколько не трогаетъ. Но я хочу быть на этомъ вечерѣ.

— Значить, онъ тебя интересуешь, этотъ монахъ?

— Да, онъ меня очень интересуешь...

— Почему же ты тогда отказалась къ нему выйти?

— Потому что это было его желаніе, это было бы для него. А тутъ случайность.

— Странно это, странно, Варенька!

— Нисколько не странно, мама. Какъ вы хотите, чтобы меня не интересовалъ совершенно человѣкъ, котораго я такъ близко знала... Я хочу, по крайней мѣрѣ, посмотрѣть, какой онъ...

— Какъ хочешь... но я этого не одобряю... У тебя слишкомъ мало гордости...

— О, гордости... я нахожу, что слишкомъ даже много...

Матушка не имѣла обыкновенія навязывать дочери свое мнѣніе. Она довольствовалась вліяніемъ.

И на этотъ разъ она искренно удивилась Варенькиному любопытству. Но больше не возражала.

Варенька, между тѣмъ, дѣйствительно чувствовала какой-то непобѣдимый интересъ къ Мелетію. Она искренно жалѣла, что тогда мать убѣдила ее не выходить къ нему. Какой онъ теперь? Ей нестерпимо хотѣлось увидѣть его; и этотъ вечеръ у каѳедрального протоіерея явился какъ нельзя болѣе кстати.

Ей не нужно было слишкомъ долго готовиться къ нему. У нея было чудное бѣлое платье, которое удивительно шло къ ея лицу и фигурѣ. Въ немъ она выдѣлялась во всякомъ обществѣ.

И она рѣшила надѣть его. Ей хотѣлось быть красивой, изящной, обворожительной.

Это было странное желаніе, если принять во вниманіе, что она это дѣлала ради монаха, ради человѣка, отказавшагося отъ міра и его соблазновъ.

И всѣ дни, которые прошли до четверга, въ домѣ отца Луки было какое-то неладное настроеніе. Матушка дулась на Вареньку, Варенька же какъ будто не замѣчала этого и готовилась къ вечеру; а отецъ Лука, по обыкновенію, чувствовалъ себя виноватымъ.

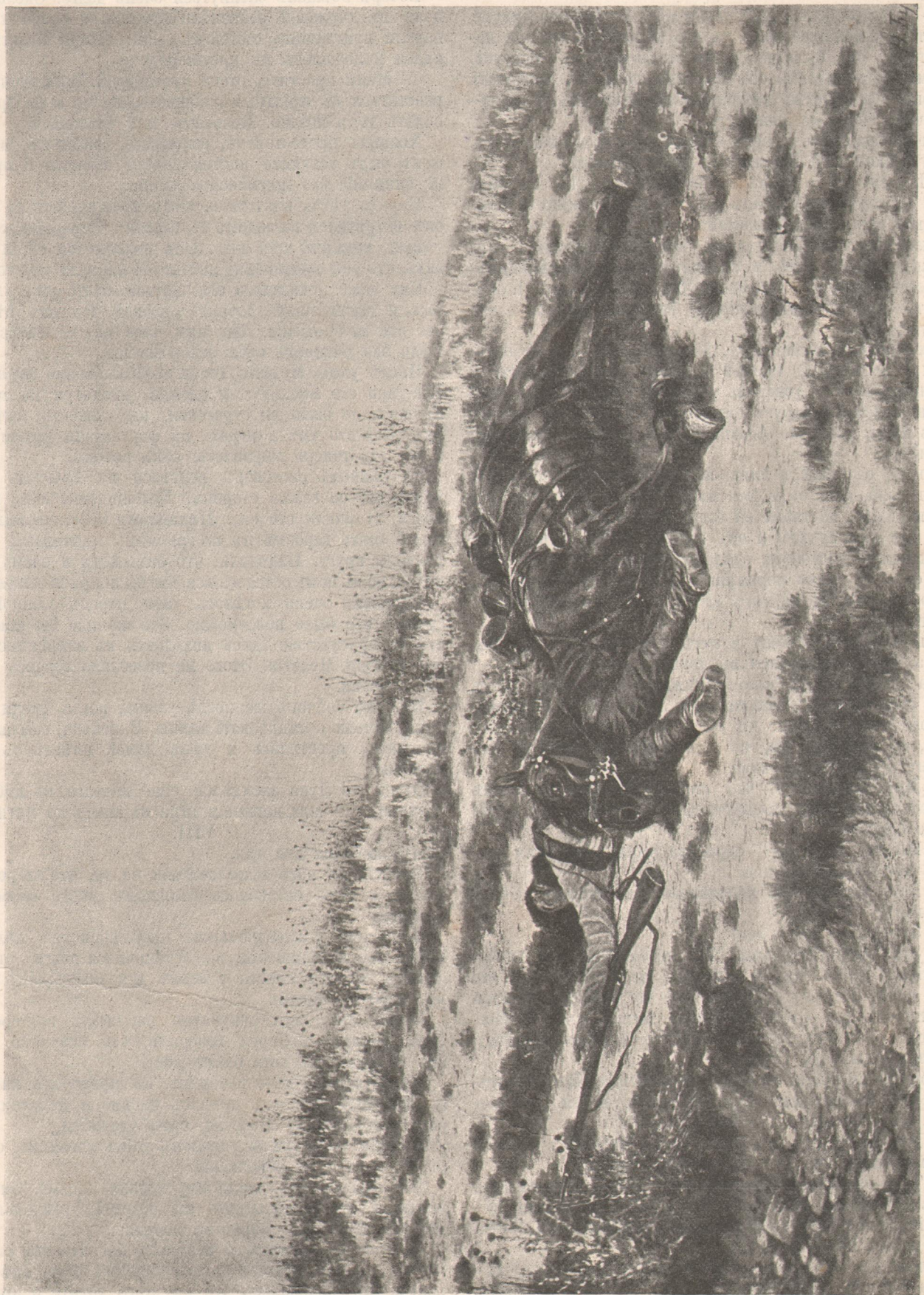
Наступилъ четвергъ. Въ губернскомъ городѣ гости въ домахъ собирались рано. Мелетій, помня желаніе каѳедрального протоіерея, чтобы онъ пришелъ вечеромъ, вышелъ изъ дома въ 9 часовъ и только въ половинѣ десятаго онъ былъ около соборнаго дома.

Между тѣмъ, тамъ уже собрались гости — духовныя лица съ женами и дочерьми, и такое промедленіе со стороны Мелетія объяснили гордостью.

Мелетій вошелъ и былъ страшно пораженъ, когда домъ хозяина оказался полонъ гостей.

Мартовская лунная ночь. Картина Н. М. Фомина. (Выставка Нового Общества Художников 1904 г.), гал. «Нива».

На поль брани. „Друзья“. Картина Н. Н. Бруни. (Московский Выставка 1905 г.), авт. «Нилы».

— Ужь вы меня извините, отецъ Мелетій,—сказалъ кафедральный протоіерей.—Все наше духовенство очень интересуется вами, какъ питомцемъ нашей семинаріи, избравшимъ такой высокій путь, и я рѣшился позвать гостей.

Но Мелетій былъ смущенъ только въ первую минуту. вмѣстѣ съ монашествомъ въ его характерѣ явилась новая черта: онъ бывалъ одинаковъ во всякомъ обществѣ. Путемъ размышленій онъ научилъ себя не придавать значенія случайнымъ вѣншимъ проявленіямъ, и смущеніе очень скоро оставило его.

Среди батюшекъ у него нашлось не мало знакомыхъ. Были знакомыя и матушки и даже поповны.

Всѣ дамы были наряжены, и если бы здѣсь не было рясъ, то никто не сказалъ бы, что это собраніе исключительно духовныхъ семействъ.

Было нѣсколько сюртуковъ, принадлежавшихъ семинарскимъ педагогамъ и консисторскимъ чиновникамъ.

Мелетія буквально окружили. Завязалась бесѣда, и онъ, какъ-то самъ того не замѣчая, говорилъ охотно и непринужденно.

Такъ прошло около часу. До сихъ поръ онъ не оглядѣлся и не изучилъ вполнѣ составъ общества. Теперь онъ предоставилъ говорить другимъ. Онъ обвелъ комнату взглядомъ, и вдругъ ему показалось, что на другомъ концѣ залы, довольно большой, онъ увидѣлъ Вареньку Троянскую.

Онъ не разглядѣлъ лица, но почему-то былъ увѣренъ, что это она. Она была вся въ бѣломъ и около нея никого не было, но глаза ея были устремлены въ ту сторону, гдѣ онъ сидѣлъ, и онъ издала видѣлъ ихъ блескъ.

Такъ какъ разговоръ сбѣлался общимъ, то онъ считалъ себя въ правѣ перемѣнить мѣсто. Онъ поднялся и прямо направился въ тотъ уголокъ, гдѣ была фигура въ бѣломъ.

Онъ подошелъ близко, и тутъ убѣдился, что это Варенька. Онъ остановился въ двухъ шагахъ.

Она смотрѣла на него какими-то странными, какъ будто смѣющимися глазами, хотя лицо ея было серьезно.

Около нихъ не было ни души, но если бы онъ оглянулся, то замѣтилъ бы, что всѣ повернули лица въ ихъ сторону и слѣдили за ними.

— Мнѣ показалось, что это вы, Варвара.—сказалъ Мелетій спокойнымъ, привѣтливимъ голосомъ:—и я рядъ, что не ошибся.

— Почему вы рады?—спросила Варя, продолжая смотрѣть ему прямо въ лицо.

— Радъ потому, что исполнилось мое желаніе: я увидѣлъ васъ.

— Зачѣмъ же вамъ это?

— Это нужно, Варвара... Это необходимо... Я ушелъ изъ міра... но въ мірѣ я оставилъ большой долгъ... это ваша душа, которая питаетъ зло ко мнѣ. Я сбѣлся виновникомъ зла. Этого не должно быть... и я ручаюсь, что этого не будетъ, когда вы захотите меня выслушать... я васъ спрашиваю, Варвара...

Варенька смотрѣла на него и не отвѣчала. Богъ знаетъ, какія чувства шевелились въ ея душѣ, но ей было неловко, ей было трудно отвѣчать.

— Мы даемъ представленіе, отецъ Мелетій... на насъ всѣ смотреть.—сказала она вмѣсто отвѣта.

— Такъ протяните мнѣ вашу руку... это ихъ успокоитъ.

Она протянула ему руку, какъ бы единственно изъ желанія, чтобы дать удовлетвореніе любопытнымъ зрителямъ, и онъ пожалъ ее.

Больше они не сказали другъ другу ни слова. Варенька тотчасъ же отошла отъ него. Къ нему подошелъ ректоръ семинаріи, завязался разговоръ.

Приличіе было спасено, не вышло никакой сцены, ничего такого, что подало бы поводъ къ разговорамъ. Гости даже были нѣсколько разочарованы.

Правда, было нѣсколько странно, что монахъ пожалъ

руку дѣвушки, а не благословилъ ее. Но всѣ знали, что въ домѣ отца Луки господствовало свѣтское направленіе. Кромѣ того, для всѣхъ было ясно, что между ними стояли ихъ прежнія отношенія.

Вечеръ обѣщалъ затянуться очень долго. Около полуночи въ столовой зазвенѣли тарелки, и скоро хозяева начали приглашать гостей къ ужину. Тогда Мелетій поднялся и подошелъ къ протоіерю.

— Меня простите, отецъ-протоіерей... мнѣ очень жаль разстаться съ пріятнымъ обществомъ, но я не привыкъ сидѣть такъ поздно. Позвольте мнѣ удалиться.

Хозяинъ протестовалъ, выражалъ сожалѣніе, но долженъ былъ уступить настойчивости Мелетія и принять во вниманіе его монашеское званіе.

Передъ тѣмъ, какъ уйти, уже попросившись со всѣми, онъ встрѣтился взглядомъ съ глазами Вареньки, которая стояла недалеко отъ него. Онъ поклонился ей, и замѣтилъ, что она совершенно явственно кивнула ему головой.

Ему даже показалось еще другое: будто она улыбнулась и такой ясной, доброй улыбкой. Но онъ рѣшилъ, что это воображеніе. Не изъ чего ей улыбаться ему. Вѣдь она считаетъ себя оскорбленной.

Послѣ ухода Мелетія, гости необыкновенно оживились. Все-таки его монашеская одежда, несмотря на то, что въ немъ не было ни строгости, ни святости, сбѣсняла ихъ. Кой-кто умѣлъ играть на фортепіано, другіе пѣли, и все это теперь вырвалось, какъ потокъ.

За ужиномъ разговоръ вертѣлся на Мелетія. Обсуждали его со всѣхъ сторонъ. Большинству онъ понравился. Помнили его еще Михайломъ Велегласовымъ, который былъ героемъ въ губернскихъ гостиницахъ, въ духовномъ кругу. Находили, что онъ, хотя и очень измѣнился, но въ немъ осталось все, что было привлекательнаго.

Варенькѣ очень хотѣлось уйти передъ ужиномъ, но сбѣлать это было невозможно. Это значило бы показать, что ея присутствіе здѣсь находится въ зависимости отъ присутствія Мелетія. Этого не позволяла гордость ни ея, ни матушки.

Но зато сейчасъ же послѣ ужина, когда среди молодежи начали организовать танцы, Варенька, ссылаясь на усталость, простилась и ушла домой вмѣстѣ съ своей матерью.

Отецъ же Лука засидѣлся еще надолго въ кабинетѣ хозяина, гдѣ шла невинная игра въ винтъ по пятисотой.

VIII.

Прошло еще дня три.

Мелетій не могъ пожаловаться на то, что въ родномъ городѣ у него оставалось слишкомъ много свободного времени.

На вечерѣ у кафедрального протоіеря онъ получилъ множество приглашеній, но ограничился тѣмъ, что побывалъ по возможности у всѣхъ духовныхъ лицъ на самое короткое время.

Кромѣ того, онъ аккуратно навѣщалъ архіерейскій домъ. Старикъ-архіерей говорилъ, что скучаетъ, когда онъ не является хоть одинъ день.

На четвертый день вечеромъ въ пригородъ какой-то неизвѣстный человѣкъ принесъ письмо и, попросивъ передать его монаху Мелетію, самъ удалился.

Мелетій былъ очень удивленъ этимъ письмомъ, онъ ни съ кѣмъ не велъ переписки.

Онъ былъ одинъ, когда ему подали письмо. Онъ распечаталъ его и, взглянувъ на подпись, убѣдился, что оно отъ Вареньки. Варенька писала:

«О всякомъ другомъ я подумала бы, что его удивитъ это письмо. Но о васъ я этого не думаю. Такъ мнѣ показалось. Мнѣ показалось, что вы этого хотите и это поймете. Ваши слова брошены не на вѣтеръ. Да, да, я питаю противъ васъ зло, но я не хочу питать его. Вы мнѣ пообѣщали, что сбѣлаете это, и я на васъ надѣюсь.»

«Чтобы намъ не переписываться—это неудобно—я просто прошу васъ сбѣлать такъ, чтобы я нашла васъ въ

домъ вашего отца завтра въ двѣнадцать часовъ дня. Если вы хотите, то сумѣете это сдѣлать. Варвара.»

Это письмо вызвало въ душѣ Мелетія необыкновенную радость. Вѣдь это было то, чего онъ такъ желалъ. Варенька идетъ ему навстрѣчу, его доброму желанію.

Да, когда онъ ѣхалъ сюда и всѣ эти дни, что онъ провелъ здѣсь, душа его была неспокойна. Онъ явственно чувствовалъ, что тамъ, въ томъ самомъ сердцѣ, которое когда-то билось для него, живетъ дурное, злостное чувство и что причиной этого чувства былъ онъ.

Справедливо это было, или нѣтъ, не все ли равно,— зло было налицо, а его не должно быть. Онъ не хотѣлъ, чтобы его личность рождала зло, въ особенности тамъ, гдѣ онъ такъ хотѣлъ добра.

И вотъ Варвара это поняла и почувствовала... Она даетъ ему возможность уничтожить это зло.

И онъ вѣрнулъ въ себя, въ свою невинность и въ свою способность передать ей свое убѣжденіе.

Онъ, конечно, не думалъ хитрить. Онъ просто пошелъ къ отцу и сказалъ:

— Вотъ, отецъ, какое письмо я получилъ отъ Варвары!

И далъ дьякону прочитать письмо. Дьяконъ въ первую минуту смутился.

— Что это значить?

— А это значить, отецъ, что Варвара поняла мое пламенное желаніе уничтожить въ душѣ ея зло противъ меня. И я радъ, я безконечно этому радъ. О, я надѣюсь, я вѣрю, что это такъ будетъ.

И дьяконъ понялъ— понялъ не по словамъ его, а по глазамъ, въ которыхъ онъ увидѣлъ всю чистоту его намѣреній.

А въ первую минуту у него мелькнула мысль, допускавшая со стороны Мелетія какъ бы нѣкое влеченіе къ земному, даже легкомыслію. Вѣдь и монахи бываютъ разные. Дьяконъ видѣлъ всяческихъ. Но теперь онъ пошелъ навстрѣчу желаніямъ Мелетія.

— Такъ мы это устроимъ, Мелетій,—сказалъ онъ:— дѣти отправятся въ лѣсъ, я могу пойти къ отцу—настоятелю, либо въ городъ—у меня тамъ найдется дѣло. Ну, а мать..

— Да ничего этого не нужно,—перебилъ его Мелетій:— нужно только, чтобы она не стѣснялась. Она, вѣроятно, не желаетъ, чтобы объ этомъ говорили, потому что это какъ бы унижительно для дѣвушки; и вы, и мать можете оставаться дома. Никакихъ тайнъ между нами не будетъ. Только не надобно выходить вамъ къ ней и встрѣчаться съ ней.

И было рѣшено, что Агаѣя Ѳеодоровна останется дома и будетъ, по обыкновенію, въ кухнѣ готовить обѣдъ для семьи. Дьяконъ все-таки рѣшилъ поѣхать въ городъ.

На другой день съ утра Мелетій чувствовалъ какое-то повышенное настроеніе духа. Онъ давно уже привыкъ себя провѣрять свои настроенія и доискиваться ихъ причинъ и сущности.

И онъ глубоко вникалъ въ свою душу и именно сегодня. Откуда оно, это настроеніе? Что оно знаменуетъ?

Онъ добросовѣстно допытывалъ у себя, нисколько не щадя себя. Вступая въ монашество, онъ далъ себѣ самому клятву—бороться съ человѣческими слабостями во что бы то ни стало. Но онъ ни на минуту не допускалъ мысли, что, одѣвшись въ черную рясу и клобукъ, онъ этимъ самымъ сдѣлался совершеннымъ!

О, далеко нѣтъ. Слабости приходили къ нему и до-

ставляли ему много горя. Но онъ обращался съ ними сурово.

И теперь онъ прямо спросилъ себя: что это за волненіе? Можетъ-быть, это отголоски того пламеннаго чувства, которое онъ питалъ къ Варенькѣ, какъ къ невѣстѣ?

И онъ отвѣтилъ себѣ: нѣтъ, это настроеніе совсѣмъ исключительное. Должны встрѣтиться ихъ души,—такъ онъ назвалъ это и такъ чувствовалъ.

И по мѣрѣ того, какъ приближался назначенный часъ, настроеніе это крѣпло въ немъ. Въ душѣ его какъ бы накоплялась какая-то нравственная сила, которая такъ была нужна ему, и съ каждой минутой онъ все больше и больше вѣрилъ въ то, что ему удастся преобразить злое чувство къ нему Вареньки въ доброе.

— Ну, я ѣду въ городъ,—сказалъ дьяконъ, когда пробило одиннадцать часовъ.

Дьяконъ не держалъ лошади. Ему рѣдко приходилось совершать путешествія. Дѣти ѣздили въ школу на линейкѣ, при помощи которой пригородъ соединялся съ городомъ. Когда же самому дьякону нужно было отправиться по дѣламъ въ городъ, легко было найти извозчика, которые часто привозили сюда изъ города сѣдлозвонки.

Такая извозничья бричка и теперь стояла у калитки церковной ограды и ждала дьякона.

— Желая, Мелетій, чтобы вы сдѣлались друзьями! Отъ души желаю этого!—сказалъ дьяконъ, прощаясь съ нимъ.

— О, отецъ, это такъ и будетъ. Это непременно такъ будетъ. Вы увидите!—отвѣтилъ на это Мелетій, и въ глазахъ его горѣло какъ бы свѣтлое пламя.

Агаѣя Ѳеодоровна спозаранку выбралась къ кухню, чтобы не выходить оттуда въ комнаты, пока самъ Мелетій не разрѣшитъ ей это.

Такимъ образомъ все было готово къ пріѣзду странной, но желанной гостыи.

Самъ Мелетій выглядывалъ въ окно, и вотъ, наконецъ, онъ увидѣлъ, что на дорогѣ показалась извозничья бричка, которая приближалась къ церковной оградѣ и остановилась у воротъ.

Изъ нея сошла на землю высокая стройная дѣвушка въ темномъ платьѣ и вошла въ ограду. Она шла очень хорошо знакомой дорогой. Въ прежнее время ей часто приходилось бывать здѣсь.

Тогда онъ вышелъ въ переднюю, растворилъ дверь въ ограду и показался на порогѣ.

Дѣвушка увидѣла его и ускорила шаги. Вотъ они встрѣтились.

— Все такъ, какъ вы хотѣли... мы будемъ одни,—сказалъ Мелетій:— войдите въ домъ. Отецъ согласился уѣхать въ городъ, а мать занимается приготовленіемъ обѣда. Войдемте.

Лицо Вареньки было закрыто густой темной вуалью, и онъ не могъ разглядѣть его выраженіе. Она не протянула ему руки и не отозвалась ни однимъ словомъ на его рѣчи. Но она и не остановилась, и вошла въ домъ.

Мелетій вошелъ вслѣдъ за ней и притворилъ дверь.

Это была комната въ родѣ гостиной, съ очень простой обстановкой, въ которой не было почти ничего лишняго. Столъ, нѣсколько креселъ и стульевъ, очень неудобный диванъ, запыленные картины на стѣнѣ. Въ углу—иконы и передъ ними, висѣвшая на блокѣ, лампадка.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Время.

I.

Тките, Парки, путы
Для живой красы:
Изъ секундъ минуты,
Изъ минутъ часы.

Въ даръ тысячелѣтью
Отдавая часъ,
Неразрывной сѣтью
Время вяжетъ насъ.

Давить властелина
Мощнаго рука.
Сѣть, какъ паутина,
Но, какъ цѣпь, крѣпка.

Тщетны всѣ усилья,
Утомилась грудь;
Скованныя крылья
Вновь не развернуть.

Тките-жъ, Парки, путы!
Для живой красы:
Сочтены минуты,
Сочтены часы.

II.

Конецъ... Наступаетъ
разлука...
Смирилась былая вражда.
Какая безумная мука
Разстаться съ тобой
навсегда!

Былого душа не забудеть,
Тоскуя и мучась по немъ.
Забвенья не будетъ, не
будеть,—
Вся жизнь въ невозврат-
номъ быломъ.

Тоска, какъ бездушное
бремя,
Сдавила мнѣ сердце въ
груди,
И шепчетъ, злорадствуя,
Время:

«А смерть-то на что!..
Подожди!»

В. Мазуркевичъ.

Dura lex. Картина Жерве, авт. «Нивы».

Странный приключенный дневник Лангль.

Геракль и Керинитская лань. Картина Шиндлера, грав. Бошгь.

Странное приключеніе дѣвицы Тзингъ.

Рассказъ Л. Хирнъ.

Мой другъ открылъ маленькій изящный томикъ, украшенный своеобразными виньетками, и сказалъ:

— Въ этой книжкѣ есть довольно странный по своему содержанию рассказъ, который, я увѣренъ, тебя заинтересуетъ.

— Японскій рассказъ?

— Нѣтъ, китайскій.

— Какъ называется эта книжка?

— По японскому произношенію китайскихъ буквъ, заглавіе ея: «Му-монь-кванъ», что въ переводѣ значитъ: «Валь безъ воротъ». Это одна изъ тѣхъ книгъ, изученіемъ которыхъ специально занимаются послѣдователи секты Цень или Дяма. Особенность этихъ книгъ состоитъ въ томъ, что онѣ трактуютъ о вещахъ, не поддающихся объясненію. При чтеніи ихъ возникаетъ много разныхъ вопросовъ, до рѣшенія которыхъ каждый вѣрующій долженъ дойти самъ. Онъ долженъ додуматься до отвѣта на затронутыя проблемы, но не смѣетъ написать его. Послѣдователи секты Дяма ставятъ себѣ цѣлью путемъ постоянного созерцанія уходить въ тѣ области мысли, которыя не могутъ быть выражены словами. Каждая мысль, которая приняла конкретный образъ, вылилась въ опредѣленную форму, недостойна вниманія дьямиста — она потеряла для него всякій интересъ.

Рассказъ, о которомъ идетъ рѣчь, какъ будто описываетъ истинное происшествіе, но для исстаго дьямиста онъ имѣетъ значеніе, лишь какъ постановка отвлеченнаго вопроса, — интереснаго по-скольку, поскольку онъ можетъ дать работу уму.

И мой другъ рассказалъ мнѣ слѣдующее:

Въ Гунъ-Янгъ жилъ человѣкъ по имени Хангъ-Кинь, у котораго была маленькая дочь Тзингъ, отличавшаяся необыкновенной красотой. Онъ имѣлъ также племянника, по имени Вангъ-Кау, очень красиваго мальчика. Дѣти постоянно были вмѣстѣ, играли, шалили и любили другъ друга. Однажды Кинь сказалъ путя своему племяннику: «Будетъ нѣкогда день, и я дамъ тебѣ въ жены свою дочь». Дѣти запомнили эти слова, и такъ какъ они были привязаны другъ къ другу, то рѣшили, что въ будущемъ непременно сдѣлаются мужемъ и женою.

Когда Тзингъ подросла, къ ней посватался какой-то важный мандаринъ, и Кинь безъ всякихъ колебаній далъ согласіе на бракъ. Тзингъ была очень опечалена рѣшеніемъ отца, а Кау былъ такъ потрясенъ, что рѣшилъ оставить родной городъ и уйти въ другую провинцію. На слѣдующій день онъ велѣлъ снарядить джонку, перенесъ туда самыя необходимыя вещи и, не простившись ни съ кѣмъ, послѣ захода солнца пустился въ путь внизъ по теченію рѣки.

Когда наступила ночь, онъ услышалъ вдругъ чей-то голосъ — кто-то кричалъ: «подожди, подожди, это я!» Сначала Кау никого не видѣлъ, но, присмотрѣвшись ближе, замѣтилъ фигуру дѣвушки, которая бѣжала вдоль берега рѣки.

Это была Тзингъ. Кау былъ несказанно счастливъ, онъ съ восторгомъ привялъ на бортъ свою нареченную и вмѣстѣ съ нею отправился въ провинцію Ку, куда и прибылъ безъ всякихъ приключеній.

Тамъ они счастливо прожили шесть лѣтъ. Тзингъ родила двухъ мальчиковъ, которыхъ очень любила. Хотя она отдавала много времени хозяйству и воспитанію дѣтей, но все же не могла забыть своей родины, своего отца, и сильно тосковала. Она долго скрывала отъ мужа свои страданія, наконецъ не выдержала и однажды сказала ему:

— Когда мы были дѣтьми, мы дали слово принадлежать другъ другу. Я не хотѣла нарушить свое обѣщаніе и пошла за тобою; я оставила родной домъ, оставила отца, хотя хорошо знала, что мой побѣдъ сильно огорчитъ его. Теперь, когда прошло уже столько времени, можно было бы, по-моему, вернуться и сдѣлать попытку помириться съ нимъ: отецъ добръ; можетъ-быть, онъ проститъ насъ.

— Не огорчайся, Тзингъ, — отвѣтилъ Кау: — твое желаніе будетъ исполнено.

На слѣдующій день онъ велѣлъ снарядить джонку и вмѣстѣ съ женою отправился въ путь. Спустя нѣсколько дней они уже находились въ гавани роднаго города Гунъ-Янга.

Согласно обычаю, установленному съ давнихъ временъ, Кау одинъ отправился въ домъ тестя, а жену оставилъ въ лодкѣ.

Кинь очень обрадовался, увидѣвъ племянника, и принялъ его весьма радушно.

— Гдѣ ты пропадалъ, Кау? Я очень скучалъ по тебѣ и боялся, что съ тобою приключилось что-нибудь недоброе.

Кау отвѣтилъ смиренно:

— Я уничтоженъ твоимъ великодушіемъ, дядя, и чувствую, что недостойнъ его. Я пришелъ просить у тебя прощенія.

Кинь съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего племянника.

— Прощенія? О какомъ прощеніи ты говоришь, другъ мой?

— Я боялся, дядя, что ты будешь на меня сердиться за то, что я увезъ съ собою Тзингъ въ провинцію Ку, гдѣ я поселился.

— Чью дѣвушку ты увезъ? Какая это Тзингъ?

— Тзингъ, твоя дочь, дядя! — отвѣтилъ ему смущенно Кау, подерывая въ словахъ своего тестя какую-то хитрость.

— Кау, племянникъ мой, я не понимаю тебя, — отвѣтилъ изумлен-

ный Кинь. — Моя дочь Тзингъ заболѣла въ тотъ день, когда ты уѣхалъ, и съ тѣхъ поръ не подымалась съ постели.

— Твоя дочь Тзингъ, — сказала Кау, все болѣе и болѣе раздражалась: — вовсе не была больна, она сдѣлалась моей женою шесть лѣтъ тому назадъ, у насъ теперь двое дѣтей. Мы вернулись, чтобы вымолить у тебя прощеніе; поэтому прошу тебя, дядя, оставить шутки и не мучить насъ.

Нѣкоторое время дядя и племянникъ молча смотрѣли другъ на друга. Затѣмъ Кинь поднялся съ мѣста и знакомъ пригласилъ Кау слѣдовать за нимъ. Вскорѣ они очутились въ небольшой комнатѣ, гдѣ на постели лежала больная дѣвушка. Къ своему величайшему изумленію, Кау узналъ въ ней свою Тзингъ. Лицо ея немного поблѣднѣло и осунулось, но попрежнему было прекрасно.

— Она не можетъ говорить, — замѣтилъ Кинь: — но понимаетъ все.

И обращаясь къ своей дочери, онъ сказалъ, смѣясь:

— Послушай, Тзингъ! Кау утверждаетъ, что ты съ нимъ бѣжала, и что у васъ теперь двое дѣтей.

Больная дѣвушка пристально посмотрѣла на Кау и молча улыбнулась.

— Теперь я тебѣ покажу кое-что, дядя, — сказала Кау, ошеломленный тѣмъ, что видѣлъ. — Идемъ къ рѣкѣ, ты найдешь тамъ свою дочь.

Старикъ долженъ былъ убѣдиться, что Кау говорилъ правду: въ лодкѣ дѣйствительно сидѣла молодая женщина — его дочь Тзингъ. Увидѣвъ отца, она побѣжала къ нему навстрѣчу и, бросившись передъ нимъ на землю, стала молить его о прощеніи.

Кинь, придя въ себя отъ изумленія, сказалъ, обращаясь къ молодой женщинѣ:

— Если ты, дѣйствительно, моя дочь, то я ничего, кромѣ любви, къ тебѣ питать не могу. Мнѣ непонятно, однако, какъ ты могла здѣсь очутиться. Идемъ домой, тамъ увидимъ, что будетъ.

Она повиновалась. Когда они втроемъ стали подходить къ дому, къ нимъ навстрѣчу съ радостной улыбкой вышла больная дѣвушка, которая не вставала съ постели въ теченіе шести лѣтъ. Обѣ Тзингъ приблизились другъ къ другу и въ одинъ мигъ слились вмѣстѣ въ одно тѣло, въ одну фигуру въ одну Тзингъ, съ лицомъ еще болѣе прекраснымъ, на которомъ не осталось и слѣда пережитой болѣзни.

Кинь сказалъ своему племяннику:

— Съ тѣхъ поръ, какъ ты уѣхалъ, моя дочь онѣмѣла и большую часть дня она проводила во снѣ, точно человѣкъ, вернувшійся домой послѣ тяжелой работы. Теперь я знаю, что все это означало: тѣло ея находилось здѣсь, а душа отсутствовала.

Сама Тзингъ замѣтила:

— Я совсѣмъ не знала, что я все время находилась дома. Я видѣла, какъ Кау ушелъ отъ насъ въ молчаливомъ негодованіи, и въ ту ночь, я помню, мнѣ приснилось, что я побѣжала за его джонкой, которая плыла по теченію рѣки. Теперь я не могу сказать, что, въ дѣйствительности, было моимъ «я»: то ли «я», которое уѣхало на лодкѣ, или то, которое осталось дома.

— Вотъ и вся исторія, — сказалъ мой другъ. Въ «Мунъ-кванъ» находится еще одно маленькое примѣчаніе, которое, можетъ-быть, заинтересуетъ тебя. Дѣло вотъ въ чемъ. Пятый патриархъ секты Вень задалъ однажды слѣдующимъ вопросомъ: послѣ того, какъ произошло раздвоеніе дѣвушки, душа которой оставила тѣло, послѣ того какъ вмѣсто одной Тзингъ появились двѣ, какую изъ нихъ слѣдуетъ считать настоящей, и какую лишь одухотворенной тѣло ея? Для постановки этого вопроса собственно и была придумана вся эта исторія. Вопросъ не былъ рѣшенъ, авторъ замѣчаетъ только: если ты узнаешь, кто была настоящая Тзингъ, то ты придешь къ убѣжденію, что бытіе и небытіе есть лишь перемѣна оболочекъ, переѣздъ изъ одной гостиницы въ другую. Если же эта мысль не освѣтила твоего сознанія, то ты не долженъ безцѣльно шататься по свѣту, а иначе можетъ случиться, что въ ту минуту, когда произойдетъ распадѣніе элементовъ и грозныя стихіи — вода и огонь вырвутся на свободу, ты очутишься въ положеніи рака, съ семью руками и восемью ногами, выброшеннаго на мель.

— Оставь ты въ покоѣ этого рака съ семью руками и восемью ногами, — отвѣтилъ я: — онъ меня нисколько не интересуетъ. Мнѣ вотъ что хотѣлось бы узнать: что случилось съ платьями?

— Съ какими платьями?

— Въ тотъ моментъ, когда обѣ Тзингъ встрѣтились, онѣ, конечно, были одѣты неодинаково, и даже весьма неодинаково, потому что одна была дѣвушка, а другая — замужняя женщина. Какому измѣненію подверглись ихъ платья? Они такъ же слились вмѣстѣ? Предположимъ, одна Тзингъ носила шелковое платье, а другая — ея двойникъ — шерстяное. Значитъ, послѣ слиянія обѣихъ женщинъ во-едино ихъ платья такъ же слились, образовавъ новую ткань — нѣчто среднее между шелкомъ и шерстью? Допустимъ, одна носила голубой поясъ, а другая — желтый, что получится отъ смѣшенія ихъ. — поясъ зеленого цвѣта? Или, можетъ-быть, одна изъ нихъ выскочила изъ своего платья, которое осталось лежать на полу, точно полинявшій нарядъ перемѣнившей кожу змѣи?

— На этотъ счетъ въ книгѣ нѣтъ никакихъ указаній, поэтому,

и я ничего не могу сказать тебе,—ответил мой друг.—Должен, однако, прибавить, что с буддистской точки зрения этот вопрос никакого значения не имеет. Догматическая сторона его касается того, что по твоему мнению составляет личность Тзингъ, не такъ ли?

— Да, но все-таки этот вопрос не решенъ.

Жидкій воздухъ.

Очеркъ М. А. Орлова.

(Съ 11 рисунками).

Состояніе тѣла зависитъ отъ температуры. Воду каждый изъ насъ знаетъ въ твердомъ видѣ (ледъ и снѣгъ), въ жидкомъ (вода) и въ газообразномъ (паръ). При 0° и ниже вода тверда, выше нуля до 80° по Реомюру она жидка, выше 80° она газообразна. Говоря о состояніи тѣлъ, мы подразумеваемъ ихъ видъ при обыкновенной температурѣ, т. е. при той, которую имѣетъ обычно та среда, въ которой мы живемъ; когда же измѣняется температура, измѣняется и состояніе тѣлъ, слѣдуя при этомъ одному общему правилу:—при низкихъ температурахъ тѣла приходятъ въ твердое состояніе, при высокихъ—въ жидкое и газообразное.

Каждому изъ насъ извѣстны тѣла, обычно имѣющія газообразный видъ; каждый знаетъ, что воздухъ—газъ, а тѣ, кто получилъ хоть начальныя свѣдѣнія изъ химіи и физики, знаютъ цѣлый рядъ газовъ: углекислоту, водородъ, кислородъ, хлоръ, аммиакъ, азотъ, болотный газъ, сѣрнистую кислоту и т. д. Ученые съ давнихъ поръ дѣлали попытки опредѣленія температуръ, при которыхъ тѣла измѣняютъ свое состояніе, т. е. плавятся, кипятъ, испаряются, и, наоборотъ, превращаются въ жидкость, твердѣютъ. Эти изслѣдованія коснулись и газовъ: ихъ пробовали превращать въ жидкости, чтобы опредѣлить температуры ихъ сгущенія. Однимъ изъ самыхъ простыхъ способовъ для такого превращенія является сжатіе газовъ; среди нихъ есть такіе, которые превращаются въ жидкость при сравнительно ничтожномъ давленіи. Такъ, напр., тотъ удушливый газъ, который получается при сжиганіи сѣры, и который физики называютъ сѣрнистымъ ангидридомъ, превращается въ жидкость, когда его объемъ посредствомъ сжатія уменьшенъ въ шесть разъ. Это одинъ изъ простѣйшихъ опытовъ, который можно произвести въ любой лабораторіи. Надо наполнить сѣристымъ газомъ стеклянный цилиндръ, въ который вдѣланъ поршень; когда этотъ поршень будетъ вдвинутъ внутрь цилиндра на $\frac{5}{6}$ его длины, на стѣнкахъ цилиндра заструится жидкость, совершенно прозрачная и безцвѣтная, какъ вода; это и будетъ жидкій сѣристый ангидридъ. То же самое можно сдѣлать съ хлоромъ, только надо сдавить его покрѣпче, примѣрно, такъ, чтобы его объемъ уменьшился въ 15 разъ. То же будетъ съ газомъ пива и шампанскаго,—углекислотою, только ее надо сдавить до $\frac{1}{50}$ ея объема, что уже не такъ легко.

Но можно ли всѣ вообще газы однимъ давленіемъ превратить въ жидкости? Отнюдь нѣтъ, и мы дальше еще скажемъ, почему это нельзя. Теперь же упомянемъ только, что нѣкоторые газы, оказывавшіе упорное сопротивленіе сжатію, удалось сгустить въ жидкости, дѣйствуя на нихъ одновременно и сильнымъ давленіемъ, и усиленнымъ охлажденіемъ. А для охлажденія у насъ средства имѣются. Прежде всего любая хорошая зима у насъ на сѣверѣ позволяетъ намъ располагать температурою въ 20, 30 даже 40 градусовъ ниже нуля. Но и безъ всякой зимы мы можемъ добиться весьма простыми способами очень низкихъ температуръ. Въ самое жаркое лѣто мы готовимъ мороженое, охлаждая сосудъ съ нимъ смѣсью изъ снѣга или толченаго льда съ солью. Извѣстно, что смѣсь изъ 1 части снѣга и 1 части соли понижаетъ температуру почти до 18° ниже нуля; смѣсь 1 части соли и 3 частей льда—до 26°; смѣсь 5 частей хлористаго кальція и 4 частей снѣга—до 40°; наконецъ, если температура уже понижена до 20°, то съ этой температуры можно спуститься до 55° ниже нуля, посредствомъ смѣси изъ 3 частей сухого хлористаго кальція и 2 частей снѣга; если тѣло, уже охлажденное этою смѣсью до 55°, подвергнуть дѣйствію новой смѣси, состоящей изъ 2 частей воды, 4 частей виннаго спирта, 8 частей снѣга и 4 частей сѣрной кислоты, то можно довести охлажденіе до 68° ниже нуля. Здѣсь, въ этихъ примѣрахъ, градусы приведены по 100-градусному термометру Цельсія, обычно употребляемому при научныхъ работахъ.

При участіи такихъ охлаждающихъ смѣсей удалось превратить въ жидкости большую часть извѣстныхъ газообразныхъ веществъ. И когда, наконецъ, перепробовали всѣ газы, тогда оказалось, что изъ нихъ шесть не поддаются никакому давленію и никакому охлажденію, и въ жидкость не превращаются. Тщетно промучились долгое время надъ этими газами ученые, наконецъ рѣшили считать ихъ *постоянными*, т. е. никогда и ни при какихъ условіяхъ не утрачивающими своего естественнаго газообразнаго состоянія. Эти газы—*водородъ, кислородъ, азотъ и фторъ*, да еще два соединенія углерода—*окись углерода* (газъ, причиняющій угаръ) и такъ-называемый *метанъ*, особое тѣло, извѣстное только химикамъ.

Но оставаться навсегда при такихъ рѣшеніяхъ ученые, конечно, не могли, потому что всѣ подобныя рѣшенія могутъ быть лишь относительными, а никогда не абсолютными. Водородъ и прочія части *постоянной* группы не могли быть превращены въ жидкость, потому что въ тотъ моментъ, когда ихъ признали постоянными, наука не располагала способами и приемами для ихъ сгу-

— Его и рѣшать не надо: нерѣшеніе его есть лучшее рѣшеніе!

— Какъ такъ?

— Дѣло въ томъ, что одна Тзингъ и другая Тзингъ—это лишь отвѣченныя понятія, которыя съ реальными образами ничего общаго не имѣютъ.

щени; но она не имѣла основанія отказаться разъ навсегда отъ надежды отыскать эти способы. И при дальнѣйшемъ расширеніи области знаній они нашлись.

Прежде всего было выяснено, почему именно эти газы такъ упорно противятся сгущенію. Это стало совершенно ясно, когда было разработано понятіе о такъ-называемой температурѣ абсолютнаго кипѣнія, или *критической* температурѣ, какъ ее теперь называютъ. Каждому газу свойственна своя, особенная температура, при которой онъ остается газомъ при какомъ угодно давленіи, какъ бы оно громадно ни было; оно можетъ быть доведено до такого предѣла, что самый колоссально прочный сосудъ разорвется вдребезги отъ усиленнаго давленія, а газъ все-таки останется газомъ. Такъ какъ кипѣніе и испареніе—понятія, тѣсно связанные между собою, то эта температура и была названа температурою абсолютнаго кипѣнія. При этой температурѣ жидкость кипитъ и превращается въ паръ при высокомъ давленіи. Если бы, напр., взять легко кипящую жидкость, положимъ, эфиръ, заключить его въ стеклянную трубку, наполнивъ всю ее этою жидкостью, потомъ трубку наглухо запаять и нагрѣть до температуры абсолютнаго кипѣнія этой именно жидкости, то можно было бы наблюдать черезъ стекло трубки, какъ жидкость постепенно растворяется, количество ея въ трубкѣ уменьшается и, наконецъ, вся трубка какъ бы пустѣетъ, хотя изъ нея нѣтъ никакого выхода. Вся жидкость при этомъ обратилась бы въ паръ, который, при охлажденіи трубки, конечно, вновь сгустился бы въ жидкость.

Критическая температура для углекислоты—31° выше нуля (по Цельсію), для ацетиленна—37°, для хлора—140°, для сѣристаго ангидрида—155°. Это значитъ, что если, напр., углекислый газъ заключенъ въ пространство, имѣющемъ температуру выше 31°, и самъ эту температуру принялъ, то его не превратить въ жидкость ни при какомъ давленіи; если же температура будетъ ниже 31°, то всегда найдется давленіе такой силы, которое превратитъ углекислоту въ жидкость. Но всѣ сейчасъ упомянутые газы имѣютъ критическую температуру значительно выше нуля, и слѣдовательно намъ очень легко вывести ихъ за предѣлы этой температуры и притомъ вывести столь далеко, что понадобится совсѣмъ небольшое давленіе, чтобы они сгустились въ жидкость. Нѣтъ, значитъ, ничего мудренаго въ томъ, что эти газы были сгущены въ жидкости при обыкновенной, комнатной температурѣ; эта температура (около 17° Ц.) значительно ниже ихъ критической температуры.

Критическая температура тѣхъ газовъ, которые считались постоянными (водородъ, кислородъ, азотъ и пр.), лежитъ не выше, а *ниже нуля*, и при томъ на уровнѣ, можно сказать, недостижимомъ, въ томъ смыслѣ, что наука не располагала средствами для такого пониженія температуры. Такъ, критическая температура кислорода—118° ниже нуля, азота—146°, а водорода—242° (по Цельсію). Слѣдовательно для того, чтобы сгустить водородъ въ жидкость посредствомъ давленія, надо было его заморозить до 242°; такимъ морозомъ наука не располагала.

Но зато задача сгущенія постоянныхъ газовъ совершенно точно опредѣлилась. Для того, чтобы сгустить въ жидкость кислородъ, надо было понизить его температуру за 118° ниже нуля; для азота—за 146°, для водорода—за 242°; и тогда при давленіи въ нѣсколько десятковъ атмосферъ, которое очень легко осуществить, всѣ эти газы превратятся въ жидкость. Оставалось только отыскать способъ для производства такого опыта.

И способъ былъ найденъ. Воспользовались давно подмѣченнымъ физическимъ закономъ. Извѣстно, что газы при очень быстромъ и сильномъ сжатіи разогрѣваются. Въ курсахъ физики описывается такого рода опытъ. Кусокъ трута кладется на дно цилиндра съ поршнемъ, а потомъ поршень быстро и съ силою вдвигается въ цилиндръ, и трутъ тотчасъ начинаетъ тлѣть. Воздухъ отъ быстрого сжатія такъ раскаляется, что загорается трутъ. Это—такъ-называемое воздушное огниво. Но если намъ извѣстно такое явленіе, то, конечно, мы можемъ предположить и предугадать обратное явленіе, т. е. охлажденіе газа при его быстромъ расширеніи. И это явленіе дѣйствительно существуетъ и доказано прямыми опытами. Если въ какомъ-нибудь сосудѣ сгустить воздухъ хоть, напр., до 6—7 атмосферъ, что можно сдѣлать даже рукою, посредствомъ поршня, а затѣмъ быстро выпустить его, то онъ такъ сильно охладится, что наружная стѣнка его вмѣстѣ съ нимъ можетъ даже покрыться налетомъ инея.

Но до какой степени можетъ дойти пониженіе температуры при разрѣженіи сжатого газа? Ученые предвидѣли всю важность этого вопроса и усердно занялись его разработкою. Вычисленія показывали, что этимъ путемъ можно понизить температуру съ 20 до 107 градусовъ.

Французскій физикъ Кальетъ былъ первымъ ученымъ, взду-

Жидкий воздухъ.

(11 опытовъ).

Рис. 1.

Рис. 2.

Рис. 3.

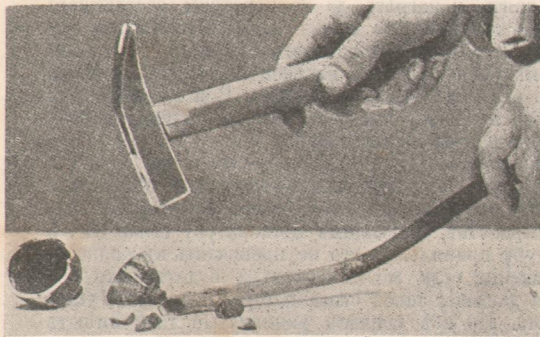

Рис. 4.

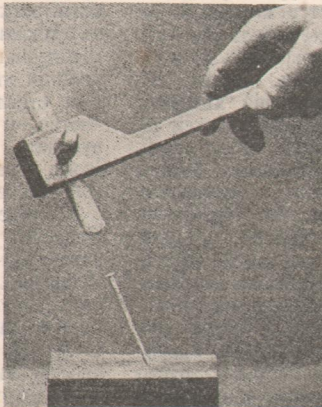

Рис. 5.

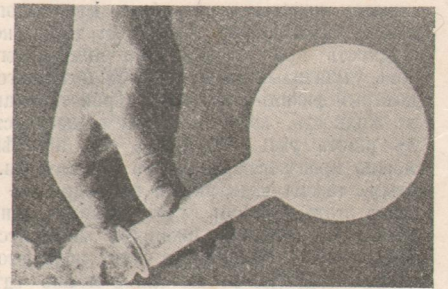

Рис. 6.

Рис. 7.

Рис. 8.

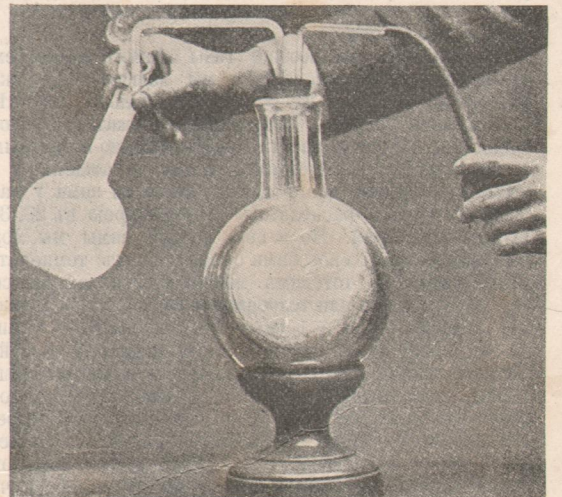

Рис. 9.

Рис. 10.

Рис. 11.

мавшим применить этот способ к сгущению постоянных газов. Он устроил прибор, в котором воздух сжимался с силой, доходившей до 300 атмосфер. В тот момент, когда достигалось это страшное давление, оно мгновенно прекращалось, и сжатый воздух оставался свободно расширяться. Это расширение послѣ сжатия сопровождалось таким понижением температуры, что воздух *начинал* замерзать; говорим «начинал», потому что обнаруживались лишь первые признаки этого замерзания в видѣ легкаго тумана, облачка; выходило нѣчто в родѣ того тумана, который образуется, когда в жаркую комнату вдруг врывается струя холода; появляется туманъ отъ осажденія содержащихся в жаркомъ воздухѣ водяныхъ паровъ. И какъ ни старался Кальетэ, ему не удалось добиться ничего, кромѣ этого тумана.

Но послѣ него взялись за сгущение воздуха в жидкость Питта, Ольшевскій и Вроблевскій. Ихъ работы увѣнчались полнымъ успѣхомъ: имъ удалось получить настоящей жидкій воздухъ, «водяной» воздухъ. В основѣ снарядовъ, употребляемыхъ этими физиками, было положено начало постепенности сгущенія. Начинаютъ при этомъ съ того, что сгущаютъ какой-нибудь не особенно упорный газъ, напр., хоть сѣрнистый ангидридъ. Испаря этотъ «жидкій» газъ в пустотѣ, получаютъ уже довольно ощутительный холодъ—50—60° Ц. ниже нуля. Этого мороза достаточно, чтобы зайти за предѣлы критической температуры другого, болѣе упорнаго газа, напр., хоть этилена. А сгущенный в жидкость этиленъ, будучи выпариваемъ в пустотѣ, даетъ пониженіе температуры уже до 140—150 ниже нуля. Такимъ образомъ на этой второй ступени будетъ оставлена позади критическая температура кислорода и азота. А воздухъ, какъ читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, представляетъ собою смѣсь изъ четырехъ частей азота и одной части кислорода. Если можно сгустить в жидкость отдѣльные составныя части, то, конечно, можно сгустить ихъ и в смѣси. Такимъ-то путемъ и былъ полученъ жидкій воздухъ.

Когда первый рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ, дальнѣйшія усовершенствованія снарядовъ для добыванія жидкаго воздуха не заставляли себя долго ждать. Скоро появилась остроумная машина нѣмецкаго конструктора Линде, при помощи которой жидкій воздухъ можно добывать ведрами. Линде опять-таки придумалъ и применилъ свой особенный способъ использования того же начала—пониженія температуры отъ разрѣженія сгущеннаго газа. Машина его сложна, и мы не будемъ ее описывать в подробности; но можно дать общее понятіе объ ея устройствѣ. В ней воздухъ, сильно сжатый, направляется по трубкѣ, которая оканчивается въ особомъ сосудѣ, приемникѣ. Здѣсь, т. е. внутри приемника, конецъ трубки снабженъ краномъ. Если его открыть, то воздухъ, конечно, устремляется изъ трубки съ силою, пропорціональною его сжатию; вытекая изъ трубки, онъ, само собою разумѣется, быстро разрѣжается, а разрѣжаясь, сильно охлаждается. Изъ приемника онъ устремляется обратно, по другой трубкѣ, которая concentрически охватываетъ первую трубку. На этомъ обратномъ пути воздухъ, какъ мы сказали, уже значительно охлажденный, сообщаетъ свою низкую температуру трубкѣ, проводящей сжатый воздухъ в приемникъ той камеры, гдѣ производится сжатіе. Вслѣдствіе этого новая партія сжатаго воздуха приходитъ в приемникъ уже значительно охлажденная, а затѣмъ, выходя изъ трубки черезъ кранъ в приемникъ, отъ разрѣженія охлаждается до температуры много ниже той, какую имѣла первая выпущенная изъ трубки партія воздуха. Эта вторая партія опять идетъ обратно къ камерѣ, гдѣ происходитъ сжатіе, охлаждаетъ ее еще болѣе и, значитъ, даетъ новое пониженіе температуры воздуху, выпускаемому изъ трубки в приемникъ. Получается круговращательное движеніе, при которомъ послѣдующія порціи воздуха, входящія в приемникъ, приобращаютъ все болѣе и болѣе низкую температуру, и такъ дѣло идетъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, воздухъ не охладится настолько, что превратится в жидкость. Эта жидкость собирается постепенно в приемникѣ, а потомъ выбирается изъ него, по мѣрѣ его наполненія. Вотъ суть устройства машины Линде.

Благодаря усовершенствованнымъ машинамъ жидкій воздухъ сдѣлался теперь, можно сказать, общедоступнымъ товаромъ, хотя стоимость его производства пока еще высока, и объ его широкомъ техническомъ примененіи еще рано думать. Машина Линде даетъ в день всего лишь около 1000 килограммовъ жидкаго воздуха (62—63 пуда); одинъ килограммъ обходится въ 5 пфенниговъ, т. е. около 1½ копейки. При такой цѣнѣ его возможно применять в сравнительно небольшомъ количествѣ, какъ охлаждающее средство, в лабораторіяхъ или в кухняхъ и погребахъ у людей съ достаткомъ, во врачебномъ дѣлѣ и т. д. Главное препятствіе къ его широкому примененію—это затрудненіе держать его в запасѣ; онъ, разумѣется, очень быстро испаряется, и масса его тратится даромъ, непродуцируемо, такъ что постоянное пользованіе имъ подручно только тамъ, гдѣ есть своя машина для его добыванія.

Внѣшній видъ жидкаго воздуха не отличается рѣшительно ничѣмъ, выдающимся в глаза. По виду его очень трудно отличить отъ воды, развѣ лишь по слегка голубоватому его цвѣту. Однако жидкій воздухъ не всегда чистъ и прозраченъ; иногда онъ мутится и тогда напоминаетъ воду, слегка забѣленную нѣсколькими каплями молока. Эта легкая мутность объясняется тѣмъ, что в него легко можетъ попасть углекислота изъ воздуха, или водяной паръ,

и, конечно, оба эти вещества при температурѣ жидкаго воздуха (—190°) замерзаютъ в ледяные кристаллики, которые и мутятъ жидкость. Удѣльный вѣсъ жидкаго воздуха почти одинаковъ съ удѣльнымъ вѣсомъ воды; но онъ измѣнчивъ в зависимости отъ его состава. В самомъ дѣлѣ, вспомнимъ, что воздухъ это—смѣсь двухъ газовъ, кислорода и азота. Изъ нихъ азотъ испаряется легче кислорода, его точка кипѣнія ниже, и значитъ при испареніи составъ воздуха постоянно мѣняется, потому что азота изъ него улетучивается болѣе, чѣмъ кислорода. А удѣльные вѣса этихъ газовъ тоже различны, азотъ легче кислорода; поэтому-то и удѣльный вѣсъ жидкаго воздуха постоянно мѣняется. Только-что полученный жидкій воздухъ имѣетъ удѣльный вѣсъ 0,93 (относительно воды), а когда большая часть азота улетучится, онъ повышается постепенно до удѣльнаго вѣса остающагося кислорода—1,12.

Но вотъ вопросъ: какъ и въ чемъ хранить такую жидкость, для которой каждый предметъ, каждое тѣло в обычной обстановкѣ нашей жизни представляется раскаленнымъ, все равно, что красная отъ жара плита для воды? В самомъ дѣлѣ, поверхность тарелки, на которую мы наливаемъ жидкій воздухъ, имѣетъ температуру комнаты, т. е. около 17° Ц., а воздухъ кипитъ при—190°, значитъ, температура тарелки выше точки его кипѣнія почти на 200 градусовъ. Въ чемъ же его держать?

И этотъ вопросъ породилъ не мало заботъ и хлопотъ. Задача, въ сущности, сводилась къ тому, чтобы придумать сосудъ, в которомъ бы жидкій воздухъ могъ какъ можно долѣе сохранять свою низкую температуру, возможно медленнѣе согрѣваться бы; этимъ бы замедлилось его испареніе. Такие сосуды придуманы и представлены у насъ на рис. 1 и 2. Сосуды эти отличаются тѣмъ, что стѣнки у нихъ двойныя, а изъ промежутка между ними высосанъ воздухъ, такъ что жидкій воздухъ, налитый в нихъ, окружается, такъ сказать, слоемъ пустоты. Этотъ слой и охраняетъ его весьма надежно отъ вліянія на него окружающей температуры. Остается только сравнительно небольшая поверхность его непосредственнаго соприкосновенія съ воздухомъ; отсюда только и происходитъ его медленное испареніе.

Казалось бы, жидкій воздухъ всего логичнѣе было хранить, какъ и всякую легко летучую жидкость, в плотно закупоренномъ сосудѣ. Но это невозможно, потому что никакая посуда не выдержитъ страшнаго давления его паровъ, перегрѣтыхъ при обыкновенной температурѣ на 200 градусовъ. Въ этомъ очень легко убедиться. Если влить немного воздуха в бутылку и заткнуть пробкою, то черезъ нѣсколько минутъ пробку вышибетъ съ такимъ же эффектомъ, какъ изъ шикарно откупоренной бутылки шампанскаго. Поэтому-то и принято хранить жидкій воздухъ въ открытыхъ сосудахъ описаннаго устройства. Придумали еще серебрить стѣнки этихъ сосудовъ, и тогда онъ становится еще болѣе непроницаемымъ для внѣшней теплоты. Въ такихъ сосудахъ его можно перевозить на значительныя разстоянія; в удачно построенной посудинѣ небольшого размѣра, напр., фунта на два жидкости, потеря отъ испаренія за сутки не превышаетъ 12—13%.

Обращеніе съ жидкимъ воздухомъ требуетъ, конечно, осторожности; однако, не слѣдуетъ бояться, что человеческое тѣло, напр., рука, палецъ, мгновенно превращается в глыбу льда отъ прикосновенія съ нимъ. Можно лить жидкій воздухъ струею на руку, и она будетъ ощущать только небольшой холодокъ. Конечно, не надо злоупотреблять этою безопасностью и затягивать опытъ. Можно также опустить палецъ в жидкій воздухъ, но опять-таки на одно мгновеніе. Эта безнаказанная игра съ сверхъестественнымъ морозомъ объясняется законами такъ-называемаго сфероидальнаго состоянія жидкостей. Дѣло въ томъ, что если мы пустимъ каплю воды на раскаленную плиту, то она вмѣсто того, чтобы моментально исчезнуть отъ страшной жары, начнетъ кружиться и бѣгать по плитѣ в видѣ шарика (сферы, откуда и названіе сфероидальнаго состоянія) и лишь очень тихо и медленно испарится. Происходитъ это оттого, что в моментъ прикосновенія капли къ плитѣ тотчасъ образуется слой пара, который помѣщается между плитою и каплею и послужитъ для капли какъ бы ширмою, закрывающею, загораживающею ее, не допускающею къ ней жары отъ плиты. Этимъ и объясняется извѣстный фокусъ, продѣлываемый рабочими на чугуноплавильныхъ заводахъ; они на мгновеніе опускаютъ руку в жидкій расплавленный чугунокъ. Потъ на рукѣ приходитъ в сфероидальное состояніе и на мгновеніе защищаетъ руку отъ жары. Та же исторія и съ жидкимъ воздухомъ. Когда мы опускаемъ в него палецъ, то чрезвычайно (относительно говоря) высокая температура нашего тѣла приводитъ жидкій воздухъ в сфероидальное состояніе, и потому онъ къ тѣлу непосредственно и не прикасается. Но, повторяемъ, эти опыты требуютъ осторожности; если случится, что жидкій воздухъ прикоснется непосредственно къ кожѣ, то онъ производитъ на ней очень опасныя, болѣзненныя и долго не заживающія раны.

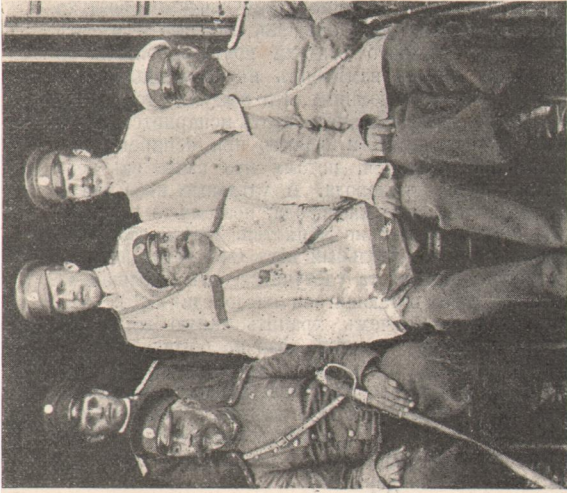
Самъ собою разумѣется, что съ такою жидкостью, какъ воздухъ, имѣющею температуру въ 190° ниже нуля, можно производить в высшей степени интересные опыты, почти чудеса. При небольшомъ навыкѣ обращеніе съ этою страшною жидкостью не грозитъ никакими неприяностями. На рис. 1 можно видѣть, какъ привычный человѣкъ беретъ в руки графинъ съ жидкимъ воздухомъ и переливаетъ его в цилиндръ. Но при такомъ переливаніи много жидкости тратится отъ испаренія. Лучшее производить эту операцію посредствомъ прибора, представленнаго на рис. 9. Резиновый балончикъ нагнетаетъ воздухъ черезъ трубку в графинъ

Посадка раненых на 51 сибирский военно-санитарный поезд Омской внутренней эвакуационной комиссией.

Почтово-телеграфные чины и нижние служители телеграфного отделения при главной квартире командующего 2-ой Манчжурской армией, в г. Маймайке.

Заур.-чин. Глабовский прапор. С. П. Петровский, подпор. В. Н. Нехлюдин, предсѣд. комиссій полк. Д. Д. Бушент, поруч. В. В. Ашанинъ, помощ. предсѣд. войск. старш. Г. В. Никитинъ.

Личный состав Омской внутренней эвакуационной комиссией.

Отправка фуража и провiанта на вьюкахъ изъ складовъ въ г. Кеченфу, въ отрядъ ген. Анисимова.

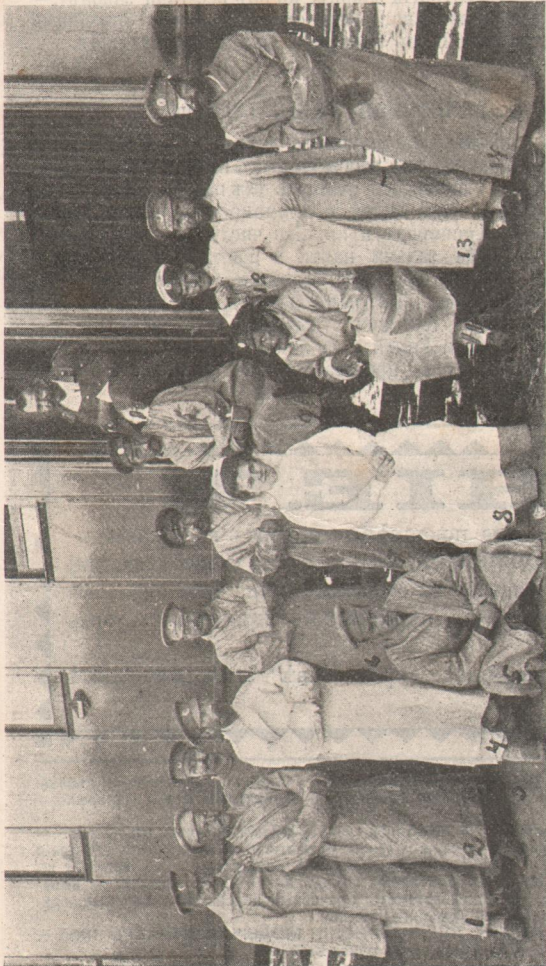
Последний рядъ: Докторъ Л. Вейсманъ, врачъ 14 уч. занѣманской лини С.-Пет. Варш. ж. д. Н. Ф. Хвалько, правитель канцелярш сивалкскаго губернскаго гвбернскаго гвбернскаго комитета С. А. Стрѣмоухова, супруга начальника губернии, предсѣдательница Дамскаго Комитета. Е. В. Благозвѣдскій, чиновникъ особыхъ поручений при Сувалкскомъ губернатрѣ, казначей Комитета.

Третий рядъ (пре-последній): Сестры-добровольцы: 1. И. О. Бозская, 2. А. Г. Янушевичъ, 3. Е. Н. Папа-Афанасову, 4. Е. М. Красовская, сестра-распорядительница, 5. Е. И. Яковлева, 6. Беронеса Л. А. Дризеель, носопуло, 7. Е. З. Будевецъ, 8. М. О. Буракъ.

Второй рядъ: П. П. Стрѣмоуховъ, начальникъ губернии.

Больница Сувалкскаго Дамскаго Комитета Россійскаго Общества Краснаго Креста.

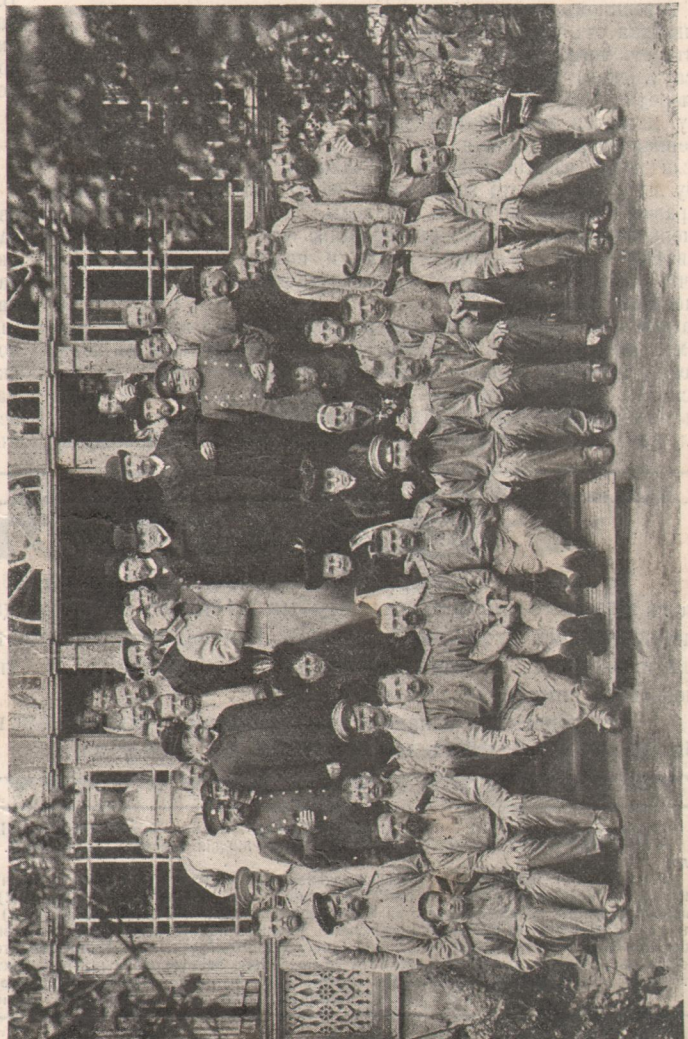
Отклики войны. По фот. военныхъ корреспондентовъ.

1) Подп. Барусь. 2) Оруж. мастеръ Рагозиль. 3) Подп. Шова. 4) Шт.-кап. Астречовъ. 5) Студентъ Цишевскій. 6) Шт.-кап. Корь. 7) Кол. регист. Введенскій. 8) Сестра Новалевская. 9) Подп. Дарда. 10) Подп. Кононенко. 11) Поруч. Парцановъ. 12) Поруч. Кришевскій. 13) Заурядъ-прап. Яковлевъ. 14) Поруч. Покочаревъ.
Санитарный поездъ № 10, имени Государыни Императрицы Александры Феодоровны, на станціи Гунджулинъ.

1 рядъ: Заурядъ-прапорщикъ М. З. Карякинъ, заурядъ-прапорщикъ С. Л. Кожинъ, подпоручикъ А. С. Синицынъ, хорунжий П. С. Воинъ, есаулъ А. Ф. Трещанскій, вращъ А. Ю. Костелянецъ.
2 рядъ: Сотникъ Ф. Воронинъ, подесаулъ В. В. Никитинъ, есаулъ А. И. Поповъ, подполковникъ М. Г. Горьловъ, поручикъ С. А. Хрьбъ, сотникъ С. Г. Борисовъ, заурядъ-прапорщикъ К. Р. Гордеевъ.
3 рядъ: Сотникъ Р. Д. Воллертъ, заурядъ-военный чиновникъ М. М. Располовъ, заурядъ-прапорщикъ А. П. Федотовъ и заурядъ-прапорщикъ М. Г. Ушаковъ.
Группа офицеровъ самостоятельнаго отряда (5-й Забайкальскій казачій батальонъ и взводъ 8 горной батареи), выделеннаго изъ отряда генерала Ренненкампа.

Члены комитета, врачебный персоналъ, больные и раненые, призъваемые въ санаторіи Либавскаго Комитета по призрѣнію эвакуированныхъ больныхъ и раненыхъ воиновъ съ Дальняго Востока.
Отклики войны. По фот. военныхъ корреспондентовъ.

Группа офицеровъ 215 Бузулунскаго полка, участниковъ мукденскихъ боевъ.

съ жидкимъ воздухомъ, и жидкость этимъ напоромъ выдавливается по другой трубкѣ и небольшою струею выливается въ подставленную посуду.

Замораживание посредствомъ жидкаго воздуха очень эффективно. Такъ, ртуть, твердѣющая при 30° P., въ жидкомъ воздухѣ превращается въ чрезвычайно твердый комъ, похожий на серебро. Если зажать такой комъ въ тиски (рис. 5), то образуется ртутный молотокъ, которымъ можно вколачивать булавки. Кусокъ ртути, замороженной жидкимъ воздухомъ, приобретаетъ звонкость. Если опустить такой кусокъ въ воду, то онъ таетъ, а въ водѣ образуются льдинки.

При обычныхъ приемахъ самаго сильного охлаждения не удавалось заморозить многихъ жидкостей, напр., спирта. Отъ жидкаго воздуха спиртъ сначала густѣетъ и течетъ изъ трубочки словно патока (рис. 6), а затѣмъ и замерзаетъ въ комокъ. Эфиръ, тоже морозоупорная жидкость, замерзаетъ въ красивую кристаллическую массу. Температура его замерзания—117° ниже нуля.

Резина, гуттаперча, каучукъ въ жидкомъ воздухѣ совсемъ утрачиваютъ свою упругость; ихъ потомъ можно крошить, напр., молоткомъ, въ мелкій порошокъ. На рис. 4 представлено разбиваніе молоткомъ замороженнаго каучуковаго шарика съ трубкою.

Цветы, опущенные въ жидкій воздухъ, обезцвѣчиваются и становятся словно фарфоровые. При малѣйшемъ прикосновеніи они крошатся, и ударами молотка можно цѣлый букетъ быстро превратить въ беспорядочную груду осколковъ (рис. 11).

Плоды и ягоды становятся тверды, какъ камень. Остуженный свинецъ становится звонокъ, какъ мѣдь или сталь. Изъ ртути можно выдѣлывать посуду. Для этого надо взять два желѣзныхъ стаканчика одинаковой формы, такъ, чтобъ они входили одинъ въ другой; въ промежутокъ между ними налить ртути и заморозить ее жидкимъ воздухомъ; она и приметъ видъ стаканчика. Камертонъ, послѣ погруженія въ жидкій воздухъ, даетъ совсемъ другую ноту.

Металлы отъ охлажденія жидкимъ воздухомъ приобретаютъ упругость и прочность. Такъ, спираль изъ свинцовой проволоки, послѣ обработки имъ, выдерживаетъ, не развѣрнувшись, значительный грузъ (рис. 7). Но достаточно подышать на нее, чтобы она немедленно разслабла и разогнулась. Проволока изъ мягкаго непрочнаго металла, будучи охлаждена жидкимъ воздухомъ, выдерживаетъ тяжелую гиру, а какъ только температура ея поднимется, она рвется, и гири падаетъ.

Многія волокнистыя и пористыя вещества, напр., вата, губка, будучи намочены жидкимъ воздухомъ и поднесены къ огню, всплываютъ съ сильнымъ взрывомъ. Если пшеничныя отруби напитать керосиномъ, потомъ смочить жидкимъ воздухомъ, то эта масса взрывается отъ удара молотомъ. Всѣ такія явленія, очевидно, зависятъ отъ того, что тутъ вступаетъ въ дѣло сразу значительная масса жидкаго кислорода, содержащаяся въ жидкомъ воздухѣ. Кислородъ—возбудитель и необходимый агентъ горѣнія, а тутъ онъ сразу является въ значительной массѣ, чѣмъ и обуславливается особенная энергія горѣнія.

Если влить жидкій воздухъ въ чайникъ и поставить его на глыбу льда (рис. 8), то жидкость начнетъ кипѣть; ледъ для нея все равно, что горячая плита для воды.

Очень эффектенъ опытъ съ горящимъ углемъ. На глыбу льда наливаютъ немного жидкаго воздуха и потомъ кладутъ на него горячій уголь; онъ мгновенно вспыхиваетъ яркимъ огнемъ и горитъ на мокромъ лдѣ (рис. 10).

Казалось бы, при адскомъ холодѣ, развиваемомъ жидкимъ воздухомъ, всякая жидкость должна отъ него обращаться въ ледъ. А между тѣмъ все-же-таки нашлась одна жидкость, сопротивляющаяся его дѣйствию съ поразительнымъ упорствомъ. Эта жидкость—нефтяной эфиръ, нѣчто въ родѣ бензина, только еще болѣе летучее; онъ не твердѣетъ при температурѣ жидкаго воздуха,

и потому изъ него стали теперь готовить градусники для измѣренія самыхъ низкихъ температуръ.

Мы упомянули мимоходомъ о томъ, что въ настоящее время жидкій воздухъ все еще дорогъ, и потому его широкое промышленное примѣненіе пока еще задерживается этою дороговизною производства. Но все же скажемъ здѣсь о главныхъ надеждахъ, которыя на него возлагаются. Такъ, напр., если черезъ жидкій воздухъ пропускать свѣтильный газъ, то всѣ его составныя части стучаются въ жидкость и даже твердѣютъ, кромѣ водорода. Значитъ, такимъ путемъ можно было бы добывать заводскимъ способомъ водородъ—газъ, который нашель бы большое примѣненіе и для освѣщенія, и для отопленія, и для наполненія воздушныхъ шаровъ.

Съ другой стороны, какъ мы видѣли, составныя части жидкаго воздуха, азотъ и кислородъ, кипятъ и улетучиваются при разныхъ температурахъ.—азотъ легче, чѣмъ кислородъ. Значитъ, нагревъ въ надлежащей мѣрѣ жидкій воздухъ, можно было бы удалить изъ него испареніемъ весь азотъ, и остался бы одинъ кислородъ. И тутъ, опять-таки, создался бы способъ заводскаго добыванія кислорода, примѣненія котораго чрезвычайно обширны; онъ—возбудитель горѣнія, источникъ громаднаго жара; съ водородомъ онъ далъ бы великолѣпный источникъ освѣщенія и источникъ высочайшихъ температуръ при разныхъ техническихъ производствахъ. Но все это станетъ осуществимо только тогда, когда производство жидкаго воздуха много удешевится.

„Dura lex“.

(Рис. на стр. 928).

«Dura lex, sed lex». («Строгий законъ, но все-таки законъ»),—говорили древніе римляне, которые такъ высоко подняли и такъ развили въ своей государственной и частной жизни принципъ правосудія. Въ этихъ словахъ ярко изображается необходимость повиновенія закону, хотя бы этотъ законъ и оказался слишкомъ суровымъ для даннаго случая. Законъ, создаваемый для огромной массы людей и на долгіе годы, всегда имѣетъ нѣкоторую долю жесткости, особенно, законъ уголовный, суровый по самому существу своему. Но, какъ бы суровъ онъ ни былъ, судья обязанъ примѣнять его, хотя бы и дрогнуло его сердце отъ жалости и состраданія.

Эффектная картина французскаго художника Жерва изображаетъ въ символическомъ видѣ этотъ величавый принципъ. На мраморномъ помостѣ въ своей черной судейской тогѣ возсѣдаетъ Правосудіе, около него стоитъ нагая Истина и вооруженная мечомъ Власть. Правосудіе держитъ въ своихъ рукахъ законъ и указываетъ на него обезумѣвшей толпѣ, которая то угрожаетъ, то молить, то проклинаетъ. «Строгий законъ, но онъ все-таки законъ»,—говоритъ Правосудіе, и духовная мощь его сдерживаетъ стихійный порывъ толпы, страдающей въ тискахъ грѣха и преступления.

Геракль и Керинитская лань.

(Рис. на стр. 929).

Геракль, какъ извѣстно изъ мифологии, долженъ былъ исполнить двѣнадцатъ работъ, совершенно необычайныхъ по трудности и фантастичности. Такъ, ему пришлось очищать отъ навоза Авгиевы конюшни, убивать Лернейскую гидру и Эримантскаго вепря, добывать золотыя яблоки Гесперидъ и пр. Въ числѣ этихъ «уроковъ» на него была возложена задача найти и поймать Керинитскую (или Менальскую) лань, обладавшую золотыми рогами и мѣдными ногами. Благодаря своимъ быстрымъ ногамъ, Гераклу удалось скоро изловить эту лань. Картина художника Шиндлера изображаетъ упомянутую погоню Геракла за ланью и, надо отдать справедливость художнику, онъ представилъ эту мифическую сцену съ большою экспрессіею.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Во избѣжаніе замедленія въ полученіи первыхъ №№ журнала, Контора покорнѣйше проситъ гг. подписчиковъ возобновить подписку на „Ниву“ 1906 года заблаговременно, такъ какъ въ концѣ года, при значительномъ скопленіи требованій, Контора едва успѣваетъ печатать и провѣрять огромное количество адресовъ для иногородныхъ подписчиковъ, а городская почта въ послѣдніе дни передъ праздниками принимаетъ лишь небольшіе списки новыхъ подписчиковъ.

Для пересылки заказа и денегъ просимъ воспользоваться разосланными при „Нивѣ“ подписными бланками въ видѣ почтовыхъ переводовъ.

Содержаніе.

ТЕКСТЪ: Невѣста Барвара. Повѣсть И. Н. Потапенко. (Продолженіе).—Время. Стих. В. Мазуркевича.—Странное приключеніе дѣвцы Тзингъ. Рассказъ Л. Хирна.—Жидкій воздухъ. Очеркъ М. А. Орлова. (Съ 11 рис.).—„Dura lex“.—Геракль и Керинитская лань.—Заявленіе.—

Объявленія. РИСУНКИ: Юность.—Мартовская лунная ночь.—На полѣ брани. „Друзья“.—Dura lex.—Геракль и Керинитская лань.—Жидкій воздухъ. (Съ 11 рис.).—Отклики войны. 1) Посадка раненыхъ на 54 сибирскій военный санитарный поѣздъ. 2) Почтово-телеграфныя чины и нижніе служители телеграфнаго отдѣленія при главнй квартирѣ командующаго 2-ой манчжурской арміей, въ гор. Маймакаѣ. 3) Отправка фуража и провіанта на вьюкахъ изъ складовъ въ гор. Кеченфу въ отрядъ ген. Анисимова. 4) Больница Сувалскаго дамскаго комитета Россійскаго общества Краснаго Креста. 5) Санитарный поѣздъ № 10 имени Государыни Императрицы Александры Феодоровны, на станціи Гундулинѣ. 6) Группа офицеровъ самостоятельнаго отряда. 7) Члены комитета, врачевый персоналъ и раненые, призываемые въ санаторіи Либскаго комитета по призрѣнію эвакуированныхъ больныхъ и раненыхъ воиновъ съ Дальняго Востока. Нѣ этому № прилагаются: 1) „Ежемѣс. литерат. и популярно-научнаго примолненія“ за декабрь 1905 г., 2) „ПАРИЖСІЯ МОДЫ“ за ДЕКАБРЬ 1905 г. съ 24 рис. и отдѣльн. листъ съ 35 черт. вывр. въ натур. велич. и 42 рис. для дамск. рукодѣлій.

